

Вэй Анъюань продолжил:

— Да и умом он не блещет, не то что Чжуан Сюй, — самый обыкновенный юноша. Потому о нем и говорят редко. Однако внезапный приезд Чжуан Сюя в столицу как раз связан с ним.

— Как так?

— Поговаривают, этот близнец Чжуан Сюя никогда с ним не ладил, они были очень холодны друг к другу. И люди Пятого принца как-то пронюхали, что в конце прошлого года, перед самым Праздником весны, этот Чжуан Юй подсыпал Чжуан Сюю яд. Не будь Чжуан Сюй столь удачлив, уже давно бы лежал в могиле.

— Что?!

Е Мянью вытаращил глаза в крайнем изумлении. Отравить родного брата, да еще и близнеца! Это какую же вражду нужно питать?

— И где этот Чжуан Юй сейчас?

— Пока просто под замком. У Чжуан Юя с их третьим братом на удивление крепкие узы. Говорят, тот пригрозил покончить с собой: мол, если Старшая принцесса Жунъи настоит на изгнании Чжуан Юя из резиденции, то Чжуан Сюй останется ее единственным сыном.

Е Мянью лишь вздохнул. Тайны императорского рода — что ни история, то потрясающий воображение скандал.

— И из-за этого Чжуан Сюй в сердцах уехал в столицу? — спросил Е Мянью.

Вэй Анъюань покачал головой:

— Вряд ли он прибыл в столицу только ради этого. Судя по его действиям в последнее время и по связям, которые были подготовлены здесь заранее, Старшая принцесса Жунъи давно планировала его приезд. Но вот то, что из-за этого покушения он явился раньше срока, весьма вероятно.

Е Мянью кивнул:

— Да, столичная резиденция принцессы еще не достроена, приехал он и впрямь в спешке. Сходится.

Ли Чжао подошел ближе и зашептал:

— Но Пятый принц своим любопытством разгневал князя Жуннань. Чжуан Сюй в ярости разворошил тайное гнездо его личных стражей, выколол им глаза, вырезал языки и выбросил тела в загородном поместье Пятого принца. Открытый вызов!

Е Мянью вздрогнул от озноба и лишь спустя некоторое время спросил:

— А Император?..

Вэй Анъюань покачал головой:

— Неизвестно. По крайней мере, открыто никаких мер не принималось. Если Пятый принц сам не явится с жалобой к трону, Император, даже зная о случившемся, притворится глухим и

слемым. Он ни за что не станет сейчас наказывать князя Жуннань. Думаю, Чжуан Сюй все просчитал, потому и ведет себя так дерзко.

Ли Чжао похлопал Е Мян по плечу и вздохнул:

— Так что, брат Мян, лучше послушно переписывай своего «Мэн-цзы» тысячу раз. Не хватало еще, чтобы брат Цзин узнал, что ты вынюхиваешь про князя Жуннань. Он тебе руку до перелома сотрет этой писаниной.

Е Мян мысленно взвыл: разве от тысячи копий рука и так не отвалится? Сейчас он был готов побежать к Заместителю министра Е и умолять отца самолично сломать ему руку.

С тех пор как старший брат наказал его, Е Мян в Императорской академии Гоцзысюэ вел себя тише воды, ниже травы — не задира л кошек, не дразнил собак. Стоило выдать свободной минутке, где бы он ни находился, сразу брался за кисть и принимался переписывать «Мэн-цзы».

В Палате хранения книг, в Беседке Ветра и даже когда наставник выгонял его в коридор, он сидел на корточках с бумагой и кистью и писал. Дежурные наставники из павильона Синсы, не дождавшись его за несколько дней с повинной, сами пришли его проведать.

Сегодня после обеда Е Мян вновь уединился в беседке у воды, разложив бумагу. Эта Беседка Ветра находилась на возвышении и с трех сторон была окружена водой — место не только живописное, но и тихое, где никто не мешал.

Все эти дни приятели без конца подтрунивали над его наказанием. Поначалу он еще отшучивался или беззлобно ругался в ответ, но потом это ему надоело, и он стал искать тихие уголки, унося с собой бумагу и кисть.

Переписав еще две страницы, Е Мян выпрямился и размял затекшую шею. В этот момент он заметил человека, поднимающегося по каменной тропинке. Е Мян удивленно приподнял бровь: в академии сейчас каждый знал, что после обеда он приходит переписывать книги в Беседку Весенней Чаши, и все тактично обходили это место стороной. Зачем же этот человек идет сюда?

Е Мян отложил кисть и стал ждать, пока тот поднимется. Когда незнакомец вошел в беседку, Е Мян внимательно оглядел его и узнал. Это был тот самый ученик, которого он тогда вытащил из озера. «Должно быть, пришел поблагодарить», — подумал Е Мян.

И верно: едва ступив под навес, юноша низко поклонился Е Мян. Тот слегка отступил в сторону, уклоняясь от поклона.

— В тот день лишь благодаря вашему спасению, четвертый молодой господин Е, я остался жив. Ци Юй безмерно вам благодарен.

Е Мян не стал приписывать заслуги себе:

— Не стоит благодарности. В тот день ты меня чуть самого на дно не утянул. Если хочешь поблагодарить, то лучше скажи спасибо князю Жуннань — те двое, что вытащили нас, были его личными стражами.

Ци Юй услышал это и залился краской по самые уши. Его красивое лицо вспыхнуло, и он долго не мог вымолвить ни слова, лишь что-то бормотал.

— Ох, голова моя садовая, — хлопнул себя по лбу Е Мянъ. — Просить тебя лично выразить ему благодарность и впрямь неловко. Ладно, я уже поблагодарил его несколько дней назад, так что твое «спасибо» мне покроет весь долг. Не думай больше об этом.

Ци Юй заметно расслабился и произнес:

— Я лишь доставил четвертому молодому господину Е неприятности. На самом деле Ци Юй пришел не только поблагодарить, но и искупить вину.

С этими словами он покосился на разложенные на каменном столе исписанные листы.

Е Мянъ опешил, не понимая, к чему он клонит.

— Осмелюсь спросить... — нерешительно прошептал Ци Юй. — Нужна ли четвертому молодому господину Е помощь скромного слуги?

До Е Мянъ не сразу дошло, что тот предлагает помочь списать. Он махнул рукой:

— Если бы кто-то мог переписать это за меня, с чего бы мне торчать здесь каждый день?

Ци Юй огляделся по сторонам, сделал шаг вперед и очень тихо произнес:

— Другие не смогут, а я смогу. С самого детства Ци Юй искусен в подражании чужому почерку, но в академии об этом никто не знает.

Е Мянъ резко повернулся к нему. Взгляд Ци Юя был прямым и честным, подтверждая искренность его слов.

Е Мянъ сглотнул слюну, явно поддавшись искушению. Ци Юй подошел к каменному столу, взял два листа Е Мянъ и принялся внимательно их изучать. Его указательный палец чертил в воздухе горизонтальные и вертикальные черты, откидные влево и вправо. Затем он взял кисть и вывел на чистом листе строчку.

Е Мянъ ошарашенно переводил взгляд с одного листа на другой. Его поразило вовсе не то, что юноша умел подделывать почерк, а то, что кто-то умудрился с такой точностью скопировать его каракули, похожие на следы ползающих насекомых.

Настоящий талант!..

— За сколько дней справишься? — дружески приобняв его за плечо, спросил Е Мянъ.

Ци Юй слегка покраснел и, подумав, ответил:

— За десять дней.

— А?

— Тогда... за семь? — закусил губу Ци Юй.

— Вот это рвение! — Е Мянъ со смехом похлопал Се Юйхэна по плечу. — Можно и так, но не стоит так надрываться. Давай за десять!

— Но мой брат потребовал, чтобы к концу переписанного почерк улучшился, — нахмурился Е Мянъ. — Как тут быть?

Но Ци Юй ничуть не смутился. Опустив голову, он сказал:

— Это пустяки, просто потребует чуть больше времени. Предоставьте все мне, четвертый молодой господин. Если сомневаетесь, я могу каждые два дня приносить вам готовую часть для проверки.

Спустя десять дней Е Мяннь получил от Ци Юя готовую работу в Беседке Весенней Чаши. Он тщательно пролистал листы от первого до последнего, дважды сверил со своими записями и не сдержался — с размаху хлопнул по столу от восторга.

«Да это же не просто похоже, это один в один!» — восхитился про себя Е Мяннь. К тому же этот Ци Юй оказался невероятно наблюдательным: он заметил даже то, что Е Мяннь макает кисть в тушь каждые семь иероглифов, а горизонтальные черты выводит тоньше вертикальных, и в точности перенес это на бумагу. Не то что его брат — даже если бы эти листы отправили на экспертизу в современный центр из его прошлой жизни, там потребовался бы компьютер, чтобы отличить копию от оригинала.

Радостный Е Мяннь припрятал исписанные листы на груди за пазуху и поспешил прочь из павильона. Ци Юй остался стоять в Беседке Ветра. Закусив губу, он провожал его взглядом, пока фигура Е Мянна не скрылась в крытой галерее. Лишь тогда он достал из рукава позолоченную шарообразную ручную грелку и бережно погладил ее.

Однако отдать эту подделку Е Мянню так и не удалось. Отношения между братьями за последнее время заметно охладели. Е Цзин впервые так сильно разозлился на него и наказал столь сурово, и пусть Е Мяннь не был злопамятным, в душе у него все же остался неприятный осадок. Рядом с Е Цзином он чувствовал себя неловко и не знал, о чем говорить. Е Цзин же стал еще холоднее: на выходных он больше не звал брата погостить в Павильон Бихуа, а когда они сталкивались в главных покоях во время приветствия госпожи Цю, даже не смотрел в его сторону. В то время как Заместитель министра Е при встрече хотя бы недовольно сопел.

Возвращаясь после уроков домой, он не раз посылал служанку разузнать, чем занят старший молодой господин в Павильоне Бихуа и в каком он настроении. Получив ответ, Е Мяннь начинал мерить комнату шагами, сжимая в руках фальшивую рукопись. У Баосюэ и других служанок уже рябило в глазах от его хождений туда-сюда, но он так и не сделал ни шагу за пределы Двора Баофэн.

Лежа ночью в постели под пологом, Е Мяннь тяжело вздохнул. Ладно. Раз уж он согласился понести наказание, придется переписать все самому. Не будь он готов подчиниться — так же, как противостоял Заместителю министра Е, — зачем ему было терпеть все эти мучения столько дней? Если бы дело касалось просто штрафов или наказаний за проступки, он бы давно бросил все и сбежал в Резиденцию премьер-министра. Ну поймали бы его, ну высекли — делов-то.

Вот так, за бесконечным переписыванием, Е Мяннь и встретил Праздник Дуанью. В этот день занятия в Императорской академии Гоцзысюэ шли только до полудня, а после учеников отпустили отдыхать.